

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

МАРК ХЕЛПРИН

НА СОЛНЦЕ
И В ТЕНИ

Москва
2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Х36

Mark Helprin
IN SUNLIGHT AND IN SHADOW

Copyright © 2012 by Mark Helprin
All rights reserved
Photo © Mark Helprin

Перевод с английского *Георгия Яропольского*

Художественное оформление *Андрея Старикова*

Хелприн, Марк.

Х36 На солнце и в тени / Марк Хелприн ; [пер. с англ. Г. Яропольского]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 672 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-87617-4

«На солнце и в тени» — роман атмосферный и лиричный. История любви Гарри и Кэтрин разворачивается на фоне ослепительного послевоенного Нью-Йорка, куда Гарри возвращается после войны, которую он прошел в составе 82-й воздушно-десантной дивизии. Он не боялся смерти, но рад, что она его не настигла. Он жив, а значит, впереди любовь, счастье, значит, можно дышать мирным воздухом, любоваться неспешным течением реки, закатами и рассветами, наслаждаться обычной жизнью, находя радость в самых, казалось бы, незначительных мелочах.

Но если есть солнце, есть и тень, если есть счастье, то и опасность где-то близко. А перед опасностью Гарри не привык отступать.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Яропольский Г., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-87617-4

Переводчик благодарит
Елену Мурашову, оказавшую
большую помощь в этой работе.

Amor mi mosse, che mi fa parlare.

Inferno, II¹

Alma Venus, coeli subter labentia signa
Quae mare navigerum, quae terras frugiferentes
Concelebras...
Quae... rerum naturam sola gubernas
Nec sine te quidquam dias in luminis oras
Exoritur, neque fit laetum neque amabile quidquam...

Lucretius, *De Rerum Natura*, I²

¹ Любовь меня вела, что речь внушает (*ит.*). 72-я строка 2-й песни «Ада» Данте Алигьери. В переводе М. Лозинского строки 70—72 звучат так: «Я Беатриче, та, кто шлет тебя; / Меня сюда из милого мне края / Светла любовь; я говорю любя».

² Стихи из книги 1-й философской поэмы «О природе вещей» Тита Лукреция Кара. В переводе Ф. Петровского звучат так: «О благая Венера! Под небом скользящих созвездий / Жизнью ты наполняешь и все судоносное море, / И плодородные земли... / Ибо одна ты в руках своих держишь кормило природы, / И ничего без тебя на божественный свет не родится, / Радости нет без тебя никакой и прелести в мире...»

Пролог

Если бы вы были духом и могли летать, куда пожелаете, так что и время не связывало бы вас, а руководили бы вами только терпение и любовь, вы могли бы вознестись и проникнуть в открытое окно высоко над парком в Нью-Йорке, каким он был почти целую жизнь тому назад, в начале ноября 1947 года.

Несколько дней шел дождь, и было необычайно тепло, а теперь в небе преобладает мягкая глубокая синева, даруемая косыми лучами солнца. Воздух прохладен, но еще не настолько плотен, чтобы обострять разносимые звуки. Крики и возгласы детей с игровых площадок доносятся то отчетливо, то приглушенно, словно шепотки, всегда в конце концов затихая. Эти звуки непостижимым образом передают цвета детских одежд, которые с одиннадцатого этажа видятся лишь яркими пятнышками на траве, ставшей из-за недавних дождей и прохладных ночей настолько зеленой, что походит на влажную эмаль.

Проникнув в это окно, вы, может быть, удивитесь, кто оставил его открытым, потому что квартира пуста, а тишина для духа громыкает подобно сердцебиению. Возможно, вы обернетесь на белых, как конфетти, чаек, качающихся на воде, или на фасады Пятой авеню по ту сторону парка, поднимающиеся выше деревьев и окрашенные солнцем в белые и охряные тона с краткими вспышками желтого.

Ветерок, проникающий через окно, невидимый, как и вы, колыхает жалюзи словно бы нежным дыханием, и шнур порой отходит настолько, что при обратном движении постукивает по стеклу, словно силится что-то сказать. Внутри никого нет. Вместе с ветром, влетающим и стихающим, прежде чем добраться до дальних комнат, вы движетесь над пылинками, гоняемыми по начищенному полу, точно хлопья снега, которые кружит метель. В воздухе витает остаточный запах духов, более сильный у двери, как это часто бывает. Свет погашен, обогреватель еще не вклю-

чался, и латунная защелка входной двери, тихая и неподвижная, ожидает, чтобы ее повернули и открыли.

Все полки в этой комнате с видом на парк заставлены книгами. Над камином — морской пейзаж Мане с флагами и вымпелами, шелкающими на ветру, на столе — телефон, в ящике под ним — заряженный пистолет. А на овальном мраморном столике в прихожей рядом с неподвижным замком и его застывшими в ожидании частями поворотного механизма стоит карточка из плотной бумаги, сложенная буквой А. На внешней ее стороне напечатан нотный стан. На внутренней, словно намеренно укрываясь от духа, начертана записка, ожидающая, когда ее прочтет кто-то из живущих здесь. На том же гладком мраморе, раскрытый, но сохраняющий форму круга благодаря тонкой золотой цепочке, лежит браслет, ждущий чьего-то запястья.

И если бы вы были духом и время не связывало бы вас, а руководили бы вами только терпение и любовь, вы остались бы ждать там, чтобы кто-то вошел, и эта история начала разворачиваться.

1. Паром на Сент-Джордж: май 1946 года

Если нью-йоркский привратник не созерцателен по природе, он становится таковым, день-деньской простаивая разодетым, точно албанский генерал, и по большей части ничего не делая. Немногие контакты с жильцами и посетителями, которые проходят мимо, настолько мимолетны, что лишь подчеркивают молчание и бездействие, которые выпали ему на долю и которые он должен научиться любить. Проходящие мимо люди оставляют эхо, след в воздухе, который говорит о них больше, чем можно сказать словами, некий тонкий сигнал, который привратник учится читать, словно каждый, кто исчезает в завихрениях города, пребывает в путешествии к обители мертвых.

Больше всего наблюдательность привратника подстегивают оживленные приходы и уходы по утрам и ближе к вечеру. И вот в пятницу утром некий Гарри Коупленд в бежевом костюме и белой рубашке при синем галстуке вышел из дома Турин по улице Централ-парк-уэст, 333. Официальное его имя было Харрис, но, хотя так же звали его деда, оно ему не нравилось, как, впрочем, и имя Гарри. Гарри, как говорится в «Генрихе V» или «Чайльд-Гарольде», оказалось тем именем, которое, не походя по звучанию на идиш, иврит или любой из восточноевропейских языков, в массовом порядке присваивалось еврейскими иммигрантами, из-за чего так стали зваться портные, оптовики, раввины и врачи. Гарри был чьим-то дядюшкой. Гарри мог бы раздобыть это по сниженной цене. Иногда Гарри попадали в Лигу Плюща¹. Гарри можно было встретить в Пимлико или Хайалии, они могли гранить алмазы или снимать фильмы в Голливуде, их можно

¹ Л и г а П л ю щ а — ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США.

было обнаружить в большинстве точек Америки, где имеются либо пальмы, либо пасторма¹, — не так часто возглавляли они армии при Азенкуре, хотя и это не исключалось, и утешало лишь то, что президент тоже носил имя Гарри и занимался одевшим бизнесом.

На привратника дома 333 было возложено попечительство над юным сыном одной из прачек. Благодаря этой нагрузке он стал разговорчивым для привратника и, когда Гарри Коупленд, сохранивший военную натренированность, начал наращивать скорость в холле, прежде чем выскочить за дверь, сказал Рамону, своему крохотному подопечному: «Вот идет парень... Ты только посмотри. Посмотри, что он делает. Он умеет летать». Мальчик уставился на Гарри, как собака-ищейка.

Когда Гарри перебежал улицу, его скорость не казалась необычной для ньюйоркца, увертывающегося от транспортного потока. Только вот никакого транспортного потока не было. И вместо того, чтобы сбавить шаг и на девяносто градусов повернуть на восточном тротуаре Сентрал-парк-уэст налево или направо, на север или на юг, он дал себе волю, одним махом пересек мощенную серыми плитами дорожку, вскочил на скамейку и, оттолкнувшись сначала правой ногой от сиденья, а затем левой от спинки, взмыл, как олень, над потемневшей от сажи стеной парка.

Прекрасно зная, какая земля лежит впереди, он вложил в свой прыжок все силы и пробыл в воздухе так долго, что привратник и маленький мальчик ощутили восторг полета. Эффект чудесным образом усиливался тем, что с их точки наблюдения совсем не было видно, чтобы он приземлялся.

— Он почти каждый день так делает, — сказал привратник. — Даже в темноте. Даже когда скамейка покрыта льдом. Даже в метель. Однажды я видел, как он проделал это в сильный снегопад: он тогда словно растворился в воздухе. Каждое чертовое утро. — Он посмотрел на мальчика. — Прости. К тому же всегда в костюме.

— А возвращается он так же? — спросил у привратника мальчик.

— Нет, просто приходит по улице.

— Почему?

— Потому что с той стороны стены нет скамейки.

¹ Пасторма — мясной деликатес из говядины, блюдо еврейской кухни Молдавии и Румынии.

Привратник не знал, что ребенком Гарри Коупленд жил в доме 333 с родителями — а затем с отцом, когда мать умерла, — до поступления в колледж, до войны, до унаследования квартиры и до вступления в должность этого самого привратника, хотя последний уже давно наблюдал за погодой из-под того же самого круто скошенного серого навеса. Весной 1915 года маленькому Гарри впервые привиделось нечто такое, что он не способен был отделить от реальности. Он, едва умевший ходить, стоял на одном из ледниковых, выгибающихся, как спина кита, валунов, которые высовываются из земли в Центральном парке. Вдруг, как часто бывает со многими детьми, не собственным усилием и не по своей воле, он переместился на изрядное расстояние с одного валуна на другой, словно чья-то невидимая рука подняла его и перенесла по воздуху. Другими словами, он испытал полет. И на протяжении всей своей жизни он стремился воспроизвести это свое первое видение — прыгая с моста в реку, летя с каменных уступов в бирюзовые озера, заполняющие заброшенные карьеры, или покидая летящий самолет вместе с оружием и боеприпасами. Его первое видение определило ход его дальнейшей жизни.

Поскольку он превосходно видел вдаль, ни одна улица в Нью-Йорке не была такой длинной, чтобы от него могли ускользнуть многочисленные подробности на дальнем ее конце. Всю жизнь разглядывая предметы на больших расстояниях, он научился видеть и то, что невозможно увидеть физически, — находя подсказки в мимолетных изменениях цвета или вспышках, уделяя пристальное внимание контексту, сравнивая видимое с тем, что видел раньше, и соединяя образы, которые в меняющемся освещении расцветают и тускнеют, вздымаются и опадают, действуют синхронно или вразнобой. Для такого слияния, которое дает самый эффективный способ зрения, необходимо обладать феноменальной памятью.

Все, что увидел, услышал или почувствовал, он умел воспроизводить с такой достоверностью и интенсивностью, что эти вещи просто не выпадали из существования и не проходили. Хотя та точность, с которой он вспоминал текстуру, ощущения и подробности, могла пригодиться для салонных игр или ученых занятий, а на войне использовалась для разведки, он с самого начала понимал, что дар этот предназначался для самой главной цели, и только для нее. Ибо, вспоминая прошлое и останавливая настоящее, он мог открывать врата времени и через них видеть все якобы последовательно происходящие вещи как единый

шедевр, лишенный границ и разделений. И даже не зная причин и целей этого феномена, он все-таки понимал, задолго до того, как научился выражать это словами, что, когда врата времени открыты, мир насыщен любовью. Это не было умозрительными построениями эстета или теорией, почерпнутой на семинарских занятиях, ибо он видел это своими собственными глазами даже среди войны, тьмы и смерти.

Видеть и помнить жизнь, переполненную и усложненную такими яркими подробностями, всегда было тяжело, но сейчас, в мае, он нес свое бремя с легкостью. Хотя весна, сменившая мрачную, словно углем нарисованную зиму, была какой-то неопределенной, к июню пляжи станут блестящими и горячими, а вода — холодной и синей. Улицы затопит солнечным светом, а вечера будут прохладными. Женщины уже сбросили зимние одеяния: открылись изгибы их шей, ноги соприкасались непосредственно с воздухом, а тела по-летнему просвечивали сквозь белые блузки. За несколько недель до солнцестояния казалось, будто мир, с огромной скоростью приближающийся к максимальному свету, действует по собственному разумению. Ему не хотелось двигаться дальше, туда, где он замедлится, когда самые яркие дни начнут становиться темнее. Возможно, именно эта нерешительность в апогее и облегчает тяжесть скорбей как таковых в светящиеся июньские вечера и в ясные июньские дни.

Когда около полудюжины человек, плававших в то утро, бросились обратно на работу, содрогающийся лязг захлопываемых дверей шкафчиков на мгновение перекрыл шипение пара, выходящего из труб в тех местах, которые навсегда останутся скрытыми даже от самых квалифицированных водопроводчиков. Почему пар все еще наполнял трубы, было для Гарри загадкой: отопление уже больше месяца как отключили, и чередой холодных дней настолько остудила оставшийся без подогрева бассейн, что он пришелся бы по вкусу белым медведям. Когда, сняв с себя одежду, он проносил ее через промежуток между собой и крючком в своем шкафчике, наблюдая, как бежевый поплин становится слегка волнистым при соприкосновении с воздухом, закрылся последний из остальных шкафчиков, и после долгого эха шипение паровых труб вернуло раздевалку в безвременье. Он был один. Никто не увидит, что он не постоял под душем перед погружением в бассейн. Утром он, как всегда, принял ванну. Он прошел через душевую на площадку перед бассейном, которая, как и стены и пол самого бассейна, была

выложена мозаикой из крошечных керамических восьмиугольников с грубыми и слегка приподнятыми краями.

Последний пловец вышел из воды десять-пятнадцать минут назад, но ее поверхность до сих пор бесшумно покачивалась, поднималась и опускалась едва заметными, различимыми только для острого глаза волнами, которые отталкивались от стен. Воздух был прохладен и сух — не так, как зимой, когда он пропитан влагой и хлором. Став перед огромным плакатом (*Нырять строго запрещается!*), Гарри спрыгнул с бортика и вошел в воду, пронзив ее, как стрела. Поскольку способность организма к регистрации чувств не безгранична, шок от падения, ощущение соприкосновения с водой, звук всплеска, вид мира, несущегося навстречу, и даже запах воды, который он уловил при падении, вытеснили холод, а когда начала ощущаться прохлада, он уже согрелся от движения.

Обычно он проплывал милю, сначала спринтом, затем медленно, затем наращивая скорость, пока сам не становился словно бы двигателем, когда все сосуды раскрыты, каждый мускул задействован и прогрет, а сердце готово работать с любой нагрузкой, которая от него потребует. Он плавал дважды в неделю. Дважды в неделю пробегал шестимильную дистанцию в парке — по верховым тропам и вокруг водохранилища. И дважды в неделю брал байдарку на реке Гарлем или, если было не слишком ветрено, на Гудзоне или на севере штата, на Кротонском водохранилище, ради десяти изнурительных миль на летней жаре или в снегу, борьбы с ветром, с водой, с кильватерными волнами и водоворотами Спайтен-Дейвила, где сливаются Гарлем и Гудзон. А по субботам, если получалось, он отдыхал.

Хотя в средней школе он играл во все спортивные игры, кроме футбола, а в колледже занимался греблей, боксом и фехтованием, именно война научила его поддерживать силу, выносливость и физическую форму воздушного десантника, которым он стал. Меж тем как многие задолго до демобилизации бросили поддерживать себя в форме, необходимой для боевых действий на пересеченной местности и жизни без крыши над головой, Гарри понял и на гораздо более глубоком, чем достигает любая форма искоренения, уровне уверовал, что эта обязанность соизмерима с самим званием человека, что цивилизация, роскошь, безопасность и справедливость могут быть сметены в мгновение ока, что, какими бы определенными и милосердными ни казались пути развития мира, они не постоянны. Вопреки мнению тех, кто не прошел через четыре года сражений, его убеждения

и действия в этой связи вели его не к жестокости, а от нее. До самого смертного часа он не откажется от самодисциплины, готовности и решительности, которые позволили бы ему дойти до последнего предела в защите того, что нежно, преходяще и уязвимо, и тех, кого он больше всего любил.

Хотя он не думал о таких вещах, пока плавал, именно они обусловили его настрой при достижении разогретого и возбужденного состояния, общего для спорта и битвы. Выйдя из воды, однако, он был образцом невозмутимости. Пока он стоял под душем, пахучий и горький на вкус гель из сосны и каштана — он привез его из Германии сразу после Дня Победы над Японией¹, с которого не прошло и года, — обращал воздух в рай. Бассейн принадлежал ему одному, никто из стариков так и не появился, чтобы грести поперек его пути на манер императорских моржей. Лучась здоровьем, он одевался, а горький вкус становился все более и более сносным, обращаясь в воспоминание.

Находиться в прекрасный день в Нью-Йорке означает чувствовать себя в опасной близости к любви. Деревья в парках окутаны сияющими облаками цвета, клубы дыма и пара поднимаются в синеву или вьются, уносимые ветром, и разрозненные движения, каждое из которых требует предельной сосредоточенности, сливаются в марево красок, движений и звуков, чарующее, как первый танец или первый поцелуй. Во время войны он иногда слышал во сне звонки трамваев, рожки, свистки, клаксоны и отдаленные гудки паровых паромов. Все это образовывало картину, привлекательную не столько пламенем ее богатой палитры, сколько искрой, которая его зажгла. Во времена самых суровых страданий и смертельной опасности он знал, что его грезы о доме, где все представляется прекрасным, это, по сути, тоска по женщине, для которой он создан. Так ему это виделось, когда он был солдатом, и так ему удалось выжить.

На протяжении пяти-шести миль до Саут-Ферри² его плотно обступала жизнь города, и он был благодарен за это как никто. Склады истории поставляли аккумуляторы образов, заряженные энергией всех, кто явился раньше. Они возникали в столбах света, заполненных пылью, словно душами сотен

¹ 2 сентября 1945 года.

² Саут-Ферри — самая южная точка Манхэттена, северный конечный пункт пассажирской паромной переправы между районами Нью-Йорка — Манхэттеном и Статен-Айлендом. Южный конечный пункт переправы находится в самой северной точке Статен-Айленда, именуемой Сент-Джордж.

миллионов умерших, взволнованных своим освобождением, в солнечных лучах, пролегающих между высотными зданиями, словно чтобы охотиться за темными тенями и уничтожить их, в ничем не примечательных мужчинах и женщинах, память о которых бесследно исчезнет через одно-два поколения, но чьи лица, озабоченные и серьезные, на долю секунды ухваченные на улице его взглядом, представлялись лицами застигнутых врасплох ангелов.

На Мэдисон-сквер он на секунду встретился взглядом с очень старым человеком. В 1946 году тому, кто родился в последний год Гражданской войны, было восемьдесят один. Этому было за девяносто, и в молодости он, возможно, сражался при Энтитеме или Колд-Харборе¹. Хрупкий и полный достоинства, в отлично сшитом костюме, шедший так медленно, что, казалось, он вообще не двигается, он повернулся у самого входа в цитадель одной из страховых компаний, чтобы через древние кованые ворота посмотреть на деревья в парке. Никто не может описать мир очень старых людей, равно как и старики не могут истолковать мир молодых, потому что никто никогда не в состоянии увидеть это в своем отражении. Поэтому кто мог знать подлинный вес всего того, что было в сердце этого человека, или понять откровения, начавшие выплескиваться из памяти, создавая течение, которое в скором времени унесет его вывьс?

В Маленькой Италии Гарри увидел полдюжины мужчин, грузивших на телегу тяжелые бочки. Борта телеги были из досок размером два на четыре, соединенных симметрично провисшими цепями. Две серых в яблоках лошади ждали под дугами. Бочки поднимали в согласованном ритме, катили вдоль телеги, а затем ставили на попа. Для этих людей мир был подъемом бочек, и ничто не могло бы обеспечить хореографию их движений более совершенно, чем поставленная перед ними задача. Когда же Гарри вырвался наконец из окружения высоких зданий Уолл-стрит в Саут-Ферри, гавань была серой и почти зеленой, а небо — нежно-голубым.

В газетном киоске в терминале парома он купил газету, сложил ее, сунул под мышку и, вооруженный таким образом, прошел через пятно солнечного света в середине помещения, по краям зачерненного тенью, и встал у складных стальных во-

¹ Сражение при Энтитеме произошло 17 сентября 1862 г. у города Шарпсберг и реки Энтитем-Крик; сражение при Колд-Харборе, одно из последних сражений Гражданской войны в США, произошло 31 мая — 12 июня 1864 г.